

Виктор АСТАФЬЕВ
«Землей болеющий всерьез»
Письмо на вологодчину Василию Мишеневу

Василий Белов
«Час безмолвия»

Издательство
«МВМ»
2011

Письмо Виктора Петровича АСТАФЬЕВА было написано в Красноярской больнице и опубликовано в еженедельнике «Литературная Россия» в феврале 2001 года.

Статья Василия Ивановича БЕЛОВА написана после выхода в свет поэтического сборника В. Мишенева «Опавшие яблоки» и опубликована в газете «Красный Север» 21 июня 2000 года.

Виктор Астафьев

ЗЕМЛЕЙ БОЛЕЮЩИЙ ВСЕРЬЕЗ

Письмо на Вологодчину Василию Мишеневу

Дорогой Василий! Сейчас пишется море стихов. Уж таков норов или струна нашей Родной России. Чем ей хуже, тем больше она звенит, поет, когда и ноет. Порой ругается или умствует. Старики, в детстве прочитавшие букварь, тужатся в запоре с нескладным звуком, то выдувают ругань, то бранят нелюбимую власть и президента, поскольку он же разрешил его ругать, то демократию клянут, не уразумев смысла этого слова, ныне вот трудно произносимый термин в ходу - «алигарх», треплют его и треплют, будто тряпичную куклу, брошенную на помойку.

И ладно б злобились, клацали вставными зубами, урчали, мысленно разрывая в лоскуты старую рухлядь, но всё это навязывают людям читать и, потрянув спонсоров с молокозавода иль

местной лесопилки, издают свою продукцию печатно, в сшитых по тетраднему брошюрах, с блёклыми буквами названий и тенями каких-то рисунков на корочке-промокашке.

А с другой стороны прёт на лёгкой ветреной яхте, слепленной из скорлупы, интеллектуал, ошарашивая почтенную публику, погружая её удальством в недоумение бедного российского читателя, вбивая иностранной абракадаброй, и без того давно уж замороченного словоблудием, и его вот впихивают в дремучую интернетовскую дебрю, как дохлую рыбу в тузлук, иль щелкая его по носу зазвонистым словечком, а то и новомодной игрушкой, называемой виртуальной мыслью о том, что черная корова, оказывается, тоже доится белым молоком.

Стол мой, человека, живущего во глубине сибирских руд, кренился набок от перегруза разномастными, неряшливо изданными книжками, общими тетрадями, толстыми письмами, заполненными так называемой «поэзей» - так мой папа называл поэзию, добавляя к этому синониму крепкое слово.

Я, листая всю эту сочинительскую требуху, также часто прибегаю к некультурным выражениям. Допекли! Достали! Душу вывернули, как старую стеженую рукавицу.

Беда не только в том, что вся эта полуграмотная бредятина печатается, навязывается, проталкивается на прочтение, набивается пыльным ворохом на столе, в столе и по-за столом. Беда ещё и в том, что в мякине этой нет-нет утерается, потонет хлебное, когда и золотое зёрнышко, вроде тех строк, что прислала мне из Сочи пожилая врачиха о том, что Пушкин нам был послан Богом наместником или помощником Христа. Это вот двустишие было лучшее, что я прочёл из словесного разгула в год юбилея нашего гениального поэта. Варнаки-стихоплёты будто за углом стояли и ждали, когда будет можно поплясать на гробу и побрякать языком на святой и тихой могиле давно Россией убиенного Великого гражданина своего. Ни вины, ни стыда, ни чести. Кошунство!

Меж многих книг где-то мельком, вскользь я просматривал и тобою присланные сборнички стихов, и меня, может быть, не сами стихи, а вологодское твоё «захолустье», как

ты его сам называешь, увиденное будто в далёком, чистом, невнятном уже сне, трогало живым звуком сердце щиплющими воспоминаниями. Веяло какой-то, самому мне непонятной, грустью одиночества, отравляюще-сладкой печалью, такой мне понятной на склоне лет.

В середине зимы я угодил в больницу-уву, всё чаще приходится прибегать к услугам этого невесёлого заведения. Года. Заманил меня сюда дней на десять, но как поётся в здешней каторжанской песне: «Посадили на недельку, просидел я цельный год». Вот я уж почти месяц здесь. У меня отдельная маленькая палата с письменным столом: за окном трещат морозы, которых, как говорят старожилы, в наших краях не было не то тридцать, не то сорок лет. И ничего мне не оставалось делать, как в свободное от уколов время подчитать, дочитать, подчистить то, что скопилось по дому, и то, что давно был обязан прочесть. И хотя зрение «сяло», как говорил опять же мой папа, я и слезящимся глазом читаю, и читаю без конца, от утра до вечера.

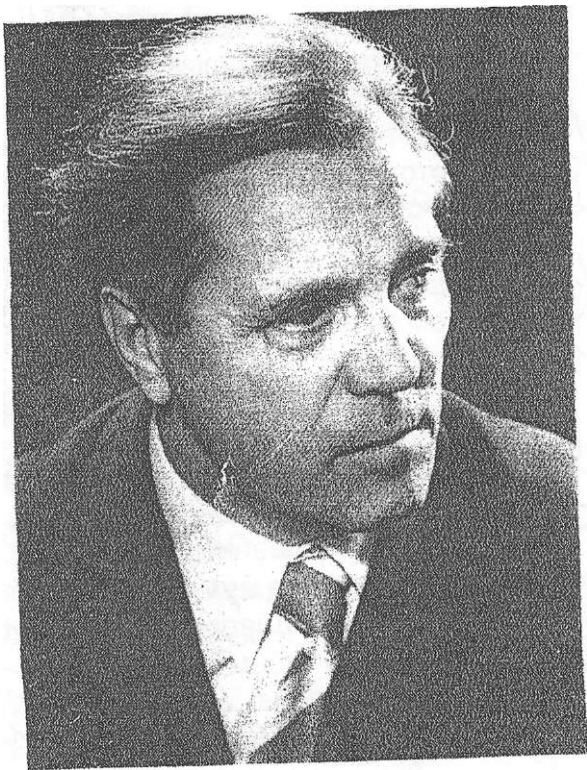
Попала мне в руки присланная тобой книжка «Опавшие яблоки», нежно и трогательно оформленная вологодским художником, изданная со скромным достоинством, которое и надлежит иметь уважающему себя городу и его мастеровитым печатникам. Хорошо, что стихи не кучей, не в подбор расположены, - чего уж экономить на бедном, сиротски, в глуши бытующем поэте. Книжка хорошо смотрится, в книжке легко дышится. Прочитав предисловие Вячеслава Белкова, я внимательно смог вчитаться в твои стихи. И какой же полузабытой, очистительной российской печалью, каким же пронизывающим, нет скорее, ласкающим душу звуком повеяло от твоих складных стихов, каким родством, какой есенинско-кольцовско-никитинско-фетовской, живительной радостью дохнуло на меня.

Нигде-нигде ты не опустился до слепой подражательности нашим с детства любимым и запомненным поэтам! Всюду ты остался современно-мыслящим, современно растревоженным, по-современному тихо

горяющим певцом. Где-то нет-нет скользнет отблеск рубцовой строки, но из-под его обвораживающего влияния, будучи вологжанином, трудно выбраться, загасить в себе постоянно живущий в тебе пленительный звук, музыку печали, которую «не слышит никто». Но и тут хватило тебе сердечного усилия, застольного труда преодолеть эту поэтическую ворожбу, эту, с виду простецкую, вкрадчивую мощь.

Тебе под силу заявить о себе во весь голос. «Доживу. Дотяну Добегу. До цветов на росистом лугу. До заждавшейся тихой избы, И появится дым из трубы!..» А чего тогда и за перо браться, коли нет уверенности, что не дотянешь и не добежишь. В пристёже быть, чем страдает провинция, доля жалкая, незавидная.

Мне хочется много цитировать твои стихи, повторять, выпевать отдельные строки, задержать на них внимание читателей наших, торопливых, словесной белибердой и жизнью замороченных.

«Я к отчему дому шагал бездорожьем, увидел - и сердце зашло. Ах, ласточки милые! В мире тревожном зимою так трудно жилось!..» «Утром кони мой путь ископытили, на луга уводя жеребят». И это, почти по-женски беззащитное: «Нам бы солнышка немножко, неба светлого, без туч». И всеми русскими людьми осязаемое откровение: «Как одинока осенью земля».

Кстати, об осени у тебя много стихов, и все они впадут, в созвучие, в лад с криками улетающих птиц. Но вдруг резанет по сердцу наболевшее: «Что ж так, Россия, под небом твоим одиноко? Что ж так, родная, мне грустно среди милых полей?» Иль соединение старомодной романсовой мелодии с совершенно неожиданной современностью: «У гитары моей ветром порваны струны, и в холодной избе не затоплена печь». И простоватое, в фамильярность не скатывающееся откровение: «Голова плывет по небу, ноги ходят по земле». И это милое, с придыханием произнесенное признание: «И такая тишь на белом

свете, что хоть встань средь поля и молись»...

Да-а, года-годочки - они весёлого не прибавляют. За ними потери и утраты, оттого они обостряют тоску и боль, одна из которых отдаётся почти стоном в груди: «Имя женщины любимой дальше сердца не уйдет». И не надо, чтоб уходило. Тютчев ведь не для блажи, не в усладу старческого мудрствования просил жгучего страдания у Господа. Из радости, из торжеств лишь заздравные песни рождаются, остальное всё от страдания, от горести и боли, и пусть такое простенькое, и такое всеобъемлющее откровение иль заклинание твое пронзит чьё-то сердце также, как моё: «Дай Бог нам всем сберечь в душе надежду на лучший день, на теплый хлеб». И пусть как можно дольше отлетающие в дальние края птицы: «Сбиваются в тесные стаи, но не сходятся клином на нет!..»

Светло завидую всем, и тебе тоже, провозглашающему твердо и ясно: «Понимаю с особенной силою, где мой путь, где мой свет, где мой Бог!..»

Увы, в нынешние времена подобная

ясность мысли и восприятия жизни дана немногим, быть может, лишь тем, кто ощущает земную твердь под ногами, дышит целительным воздухом Родины и не потерял веры в провидение, не забыл про Создателя нашего.

Я и до чтения твоего сборника пытался представить: какова сейчас вологодская «тихая родина» многих славных поэтов. Уже и при мне неисчислимое количество северных деревень пустогазго и слепо глядели на белый свет. Уже и при мне целые районы, не только отдаленные, зарастали пустынной травой, кустарником, где и лесом. Прошло уже более двадцати лет, как я вернулся на свою родину. Помню, что Никольская земля пролегает совсем далеко от столбовых дорог прогресса и в полутыще верст от областной столицы.

Тридцать лет минуло с тех пор, как я бывал на могиле Яшина, ловил рыбу в речке Юг, ел землянику на Бобришном Угоре. Не забвеньё ль там, не запустеньё ль, не заросла ль бурьяном могила славного поэта, доброго и строгого товарища всей пишушей вологодской братии?

Хочется верить, что земля, согретая тёплым дыханием любящего сердца, осиянная светом поэтического взора, земля, воспетая наследником мужественного, достойного человека не может сделаться беспамятной, бездыханной и безголосой. Пока живо слово поэта, исторгнутое кровинкой земляком, пока звучит его песня в родном краю и о родном крае, не может тлению поддаться душа покойного певца, всевечна его память, как всевечно родное русское слово.

Хотел своё письмо вложить в новую свою книгу и послать её тебе в Никольск, но книга выйдет не ранее весны, так пусть приветствие моё придет к тебе через газету и поддержит тебя в эти долгие зимние дни и вечера, пособит скорее дожждаться весны и всколыхнет в сердце звонкие струны, зародит звуки светлых песен.

Твой Виктор Астафьев
4 февраля 2001 года
Красноярск
/больница\

«Литературная Россия» от 23.02.01 г.

В . Б е л о в

М
Вели
Бере
Увер
с

Василий БЕЛОВ

ЧАС БЕЗМОЛВИЯ

*Царей и царств земных отрада,
возлюбленная тишина...*

Михайло Ломоносов

Не оскудевает наш северный Парнас! Всех вологжан (и не только вологжан) можно поздравить с появлением нового поэтического имени: Мишенёв Василий Михайлович.

Живет он в Никольске. Родина Александра Яшина может гордиться: Никольская земля снова вскормила и выпестовала большого серьезного поэта. (Надеюсь, не ошибусь, если скажу, что поэта общероссийского масштаба. Уверен в том, что о Василии Мишеневе вскоре заговорит и самая строгая литературная критика, и многочисленная армия любителей русской поэзии,

Как враз и надолго заговорили они в свое время о Николае Рубцове).

Все признаки большого таланта проявлены в книжке Василия Мишенева «Опавшие Яблоки», вышедшей в Вологде в количестве девятисот девяноста девяти штук. Не лишка! Но Вологодская писательская организация надеется, что следующие книги Мишенева выйдут более солидным тиражом.

Не будем торопить автора «Опавших яблок», спешка тут не нужна... Поэт слышит всё: «и стоны гибнущих растений, и вздохи ветра у стены», но не надо ему мешать! Поэзия исчезает, когда начинают ее планировать, как, например, планируют бюджет или дорожное строительство.

Там что-то тайное случилось
Под остывающей звездой,
Там время к полночи скатилось,
О вечность темную разбилось
И вновь не властно над собой.

Подобные строчки достойны той меры,

которой мы меряем Тютчева или Боратынского, но в «Опавших яблоках», скорей всего, преобладает не философская стихия, а лирическая. Вот, к примеру, как Василий Мишенев говорит о своих друзьях. Стихотворение заслуживает того, чтобы выписать его целиком.

Над ночью Вологодой
Кружит легкий снег.
Я бреду по городу,
Дальний человек.

То, что было прожито,
Вспомнить все нельзя.
В тихой милой Вологде
Спят мои друзья.

Кто-то в центре города,
Кто-то за мостом...
Кто-то в доме ласковом,
Кто-то под крестом!

Я иду к кому из них?
Где найду ночлег?

Все следы на улице
Засыпает снег!..

Что такое поэзия? Василий Мишенев не настолько самонадеян, чтобы отвечать на такой серьезный вопрос, он знает, что далеко не на все тайны человеку следует покушаться. «Замрут отдаленные звуки, До шепота стихнет вода, И вновь над речною излучкой Протаит ночная звезда! И вздрогнет душа, откликаясь... В том тайна какая-то есть, Которую снова пытаюсь На небе вечернем прочесть!»

Иногда поэт в одной-двух строчках достигает высокого философского обобщения:

Когда в руках несешь свечу во мраке,
Спасти огонь - главней задачи нет!

Добавим, что для того, чтобы погасить свечи, достаточно одного легкого дуновения, а если вокруг мечутся холодные вихри? Тогда спасти огонь труднее во сто крат... В прекрасном стихотворении «Слух души» говорится, как на родине этот поэтический слух неожиданно посещает лирического героя:

Родимый край!
Что видел я вокруг?
Среди полей -
Убогие деревни,
Тоску дорог,
Притихшие деревья,
Но слух души
Здесь обострялся вдруг!

И тут, где все
Мной понято давно,
В молчаньи звезд
Над полем и рекою
Моя душа
Вдруг слышала такое,
Чего другим
Услышать не дано!..

В последней строке отнюдь нет литературного или какого-то иного тщеславия, не надо зоидам желать того, чего нет. Прочтем лучше еще один мишенёвский шедевр о природе и человеке:

И ливень, и стужа знобили с утра...

Куда это всё подевалось?
Вновь так хорошо помолчать у костра,
Пускай даже самую малость!
Ни звука! Ни ветра! Уснуть не спеша,
Деревья отбросили тени...
Как будто нашла себе место душа,
Прорвав паутину сомнений!..
Про ливень, про стужу кто вспомнит сей-
час?

В безоблачность верится снова...
Как тихо! Как чудно! Безмолвия час!
Из чувства рождается слово!

Великолепное стихотворение «Осенью» заканчивается так: «Я как будто один в целом мире живой, И душа прорастает стихами...»

Образы родной природы у Василия Мишенева частенько связаны с лесом и птицами, с журавлями, со скворцами, и снегирями, и свиристелями. Ведь смена времен года невозможна без этих образов:

Весенний день учился плакать,

Но тучи были так легки,
И дождь сумел едва прокапать,
Не заглушив твои шаги.

В этой коротенькой рецензии на книгу Василия Мишенёва я намеренно не упоминаю о его любовной лирике и о социальных мотивах, звучащих в таких стихотворениях, как «Вырывали крестьянские корни...». Пусть читатель прочтет эту книжечку сам от начала и до конца, прочтет и все решит сам.

Как не вспомнить добрым словом Николая Рубцова, Сергея Чухина и, конечно, Александра Романова, много лет руководившего нами, создавшего в Вологде атмосферу литературного благожелательства.

Помянем и Виктора Коротаева, который также много сделал для земляков, начинающих свой литературный путь. Поэтическая традиция жива и неистоцима.

«Красный Север», 21 июня 2000 года